

ПОЗДНЯЯ ПРЕИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА

Структура и социальные модели культуры Кукутень-Триполье

Социальная организация ямной культуры

Сезонные миграции и система жизнеобеспечения ранних скотоводов

Общественное устройство скотоводов Южного Урала

Социальные структуры в условиях фронта

Социальные аспекты практики кремации в бронзовом веке

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура,

Зам. отв. редактора — Сергей В. Кузьминых

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

Late Prehistory of Eurasia: Social Models and Cult Practices

Structure and social models of the Cucuteni-Tripolye culture
Social organization of the Pit-Grave culture
Seasonal migrations and subsistence system of early pastoralists
Social organization of Southern Ural pastoralists
Social structures in frontier conditions
Social dimensions of the cremation rite in the Bronze Age

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura,
Associate Editor — Sergei V. Kuzminykh

Saint Petersburg, Kishinev, Odessa, Bucharest.
2018

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

Preistoria târzie a Eurasiei: modelele sociale și practica de cult

Structura și modelele sociale ale culturii Cucuteni-Tripolie
Organizarea socială a culturii lamnaia
Migrațiile sezoniere și sistemul de asigurare a vieții la crescătorii de vite vimpurii
Orânduirea socială a crescătorilor de vite din Uralul de Sud
Structurile sociale în condițiile frontierului
Aspectele sociale ale practicii incinerării în epoca bronzului

Redactor responsabil — Igor V. Manzura,
Redactor adjunct — Sergei V. Kuzminykh

Sankt Petersburg, Chișinău, Odesa, București.
2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИУМ В ОТРАЖЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

Социальные структуры и модели

- Н. Б. Бурдо (Киев, Украина). Структура и социальные модели культуры
Кукутень А — Триполье VI 17
- Н. Л. Моргунова, А. А. Файзуллин (Оренбург, Россия). Социальная структура
ямной культуры Волжско-Уральского междуречья 35
- Л. Николова (Солт-Лейк-Сити, США). Дубене и Троя: золото и благоденствие
в III тысячелетии до н. э. в Евразии 61
- Н. И. Шишлина, Е. С. Азаров, Т. Д. Дятлова (Москва, Россия), Н. В. Рослякова
(Самара, Россия), О. П. Бачура (Екатеринбург, Россия), Й. ван дер Плихт
(Гронинген, Нидерланды), П. И. Калинин (Пушино, Россия), И. А. Идрисов
(Махачкала, Россия), А. В. Борисов (Пушино, Россия). Инновационные сезонные
миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-
степной зоне Евразии: роль социальных групп 69
- А. В. Епимахов (Челябинск, Россия). Социальные структуры в условиях фронта:
пример бронзового века Южного Зауралья 91

Социология поселений

- Н. С. Котова (Киев, Украина), П. Штадлер (Вена, Австрия). Группа памятников
в Брунн-ам-Гебирге и проблема иерархии древнейших поселений культуры
линейно-ленточной керамики 109
- О. В. Тубольцев (Запорожье, Украина), С. Б. Радченко (Киев, Украина). Генералка
2 и *causewayed enclosures*: примеры отражения полярного мировоззрения
древнего населения Европы 119
- И. В. Чечушков (Питтсбург, США), А. С. Якимов (Тюмень, Россия), О. П. Бачура
(Екатеринбург, Россия), Ян Чхуен Ын (Питтсбург, США), Е. Н. Гончарова
(Екатеринбург, Россия). Общественное устройство синташтинско-петровских
коллективов позднего бронзового века и причины генезиса социальной
элиты (на примере поселения Каменный Амбар в степном Зауралье) . . . 149

Социология погребений

- С. В. Васильев (Москва, Россия), Р. В. Смольянинов (Липецк, Россия), С. Б. Боруцкая
(Москва, Россия), А. Н. Бессуднов (Липецк, Россия). Население неолита-энеолита
Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового
могильника Ксизово 6) 167
- М. Б. Медникова (Москва, Россия), Н. А. Мусеибли (Баку, Азербайджан),
С. Н. Кореневский (Москва, Россия). Детские погребения лейлатепинской
культуры эпохи халколита на поселении Галаери в Азербайджане: опыт
биоархеологического исследования 197
- Н. А. Берсенева (Челябинск, Россия). Социальные аспекты практики кремации
в обществах эпохи бронзы Южного Урала 211

- Е. П. Китов (Москва, Россия), А. А. Хохлов (Самара, Россия), П. С. Медведева (Челябинск, Россия).** Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века). 225
- М. А. Балабанова (Волгоград, Россия).** Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования . . 245

СОЦИАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ

- А. В. Колесник (Донецк, Украина).** Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам. 259
- Н. Б. Виноградов (Челябинск, Россия).** Символы топора в социально-культовой практике у населения позднего бронзового века Южного Зауралья 273

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- А. И. Королев, А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков, А. А. Хохлов, Н. В. Рослякова (Самара, Россия).** Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге 285
- В. В. Титов, В. Ф. Кашибадзе, К. В. Дюжова, Г. В. Ковалева, С. В. Куршаков (Ростов-на-Дону, Россия), П. Д. Фролов, А. С. Тесаков (Москва, Россия).** Палеоэкологические характеристики энеолита Нижнего Дона (на основании материалов из многослойного памятника Раздорское I) 303
- Н. В. Рындина (Москва, Россия), А. Д. Дегтярева (Тюмень, Россия).** Цветной металл ямной культурно-исторической области из памятников Украины: морфология и технология изготовления 317
- В. А. Борзунов (Екатеринбург, Россия).** Варианты реконструкции и тенденции развития стационарных жилищ эпох камня и бронзы таёжной зоны Западной Сибири. 347

ДИСКУССИИ

- Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия).** Ямная миграция и теоретические искания . . 379
- Список сокращений.** 389
- Авторам Stratum plus** 391

C O N T E N T S

SOCIETY AS MİRRORED BY ARCHAEOLOGICAL SOURCES

SOCIAL STRUCTURES AND MODELS

- N.B. Burdo** (*Kiev, Ukraine*). **Structure and Social Models of the Cucuteni A — Trypillia BI Culture** 17
- N.L. Morgunova, A.A. Fayzullin** (*Orenburg, Russian Federation*). **The Social Structure of the Yamnaya (Pit-Grave) Culture of the Volga-Ural Interfluvium** 35
- L. Nikolova** (*Salt Lake City, USA*). **Dubene and Troy: Gold and Prosperity in the Third Millennium Cal. BCE in Eurasia** 61
- N.I. Shishlina, E.S. Azarov, T.D. Dyatlova** (*Moscow, Russian Federation*), **N.V. Roslyakova** (*Samara, Russian Federation*), **O.P. Bachura** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **J. van der Plicht** (*Groningen, Netherlands*), **P.I. Kalinin** (*Pushchino, Russian Federation*), **I.A. Idrisov** (*Makhachkala, Russian Federation*), **A.V. Borisov** (*Pushchino, Russian Federation*). **Innovative Seasonal Migrations and Subsistence System of the Mobile Pastoralists of the Desert-Steppe Zone of Eurasia: role of social groups** . . . 69
- A.V. Epimakhov** (*Chelyabinsk, Russian Federation*). **Social Structures in Frontier Conditions: case-study for the Bronze Age in the Southern Trans-Urals** 91

SOCIOLOGY OF SETTLEMENTS

- N.S. Kotova** (*Kiev, Ukraine*), **P. Stadler** (*Vienna, Austria*). **Sites in Brunn-am-Gebirge and the Problem of the Hierarchy of the Oldest Linear Pottery Culture Settlements** . 109
- O.V. Tuboltsev** (*Zaporizhzhya, Ukraine*), **S.B. Radchenko** (*Kiev, Ukraine*). **Generalka 2 and Causewayed Enclosures: examples of the polar worldview reflection of ancient Europe population** 119
- I.V. Chechushkov** (*Pittsburg, USA*), **A.S. Yakimov** (*Tyumen, Russian Federation*), **O.P. Bachura** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **Yan Chuen Ng** (*Pittsburg, USA*), **E.N. Goncharova** (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **Social Organization of the Sintashta-Petrovka Groups of the Late Bronze Age and a Cause for Origin of Social Elites (Based on Materials of the Settlement of Kamenny Ambar)** 149

SOCIOLOGY OF BURIALS

- S.V. Vasilyev** (*Moscow, Russian Federation*), **R.V. Smolyaninov** (*Lipetsk, Russian Federation*), **S.B. Borutskaya** (*Moscow, Russian Federation*), **A.N. Bessudnov** (*Lipetsk, Russian Federation*). **Neolithic-Eneolithic Population of the Upper Don Region and its Burial Customs (by the materials of the burial ground Ksizovo 6)** 167
- M.B. Mednicova** (*Moscow, Russian Federation*), **N.A. Museibli** (*Baku, Azerbaijan*), **S.N. Korenevskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Infant Burials of the Leila-tepe Culture of the Chalcolithic Age on the Settlement Galaeri in Azerbaijan: an effort of bioarchaeological study** 197
- N.A. Berseneva** (*Chelyabinsk, Russian Federation*). **Social Dimensions of the Cremation Burial Rite in Bronze Age Societies of the Southern Ural Region** 211

E. P. Kitov (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. A. Khokhlov (<i>Samara, Russian Federation</i>), P. S. Medvedeva (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>). Paleoanthropological Data as a Source of Reconstruction of the Process of Social Formation and Social Stratification (based on the Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age)	225
M. A. Balabanova (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Srubnaya Culture as an Object of Interdisciplinary Study	245

SOCIAL SYMBOLS

A. V. Kolesnik (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Evolution of Views by the Hoards of Flint Objects in the South of the Dnieper-Don Interfluvium: from hidden treasures to cult objects . . .	259
N. B. Vinogradov (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>). The Symbols of the Axe in Socio- Religious Practice among the Population of the Late Bronze Age of South Transurals	273

RESEARCH AND PUBLICATIONS

A. I. Korolev, A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov, A. A. Khokhlov, N. V. Roslyakova (<i>Samara, Russian Federation</i>). The Unique Burial of the Ekaterinovskiy Cape Early Eneolithic Cemetery in the Middle Volga Region	285
V. V. Titov, V. F. Kashibadze, K. V. Dyuzhova, G. V. Kovaleva, S. V. Kurshakov (<i>Rostov-on- Don, Russian Federation</i>), P. D. Frolov, A. S. Tesakov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Paleoecological Features of Eneolithic of the Lower Don Region (by Materials of Multilevel Site Razdorskoe I)	303
N. V. Ryndina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. D. Degtyareva (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). Non-ferrous Metal of the Yamnaya Cultural-Historical Area from Sites of Ukraine: morphology and production technology	317
V. A. Borzunov (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Variants of Reconstruction and Development Trends of Stone and Bronze Age Stationary Dwellings in the Taiga Zone of Western Siberia	347

DISCUSSIONS

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Yamnaya Migration and Theoretical Search	379
List of Abbreviations	389
Submissions	391

Л. С. Клейн

Ямная миграция и теоретические искания

Keywords: archaeological theory, science methods, humanity, scientific revolution, historical record**Cuvinte cheie:** teorie arheologică, metode ale științelor naturii, cunoaștere umanistică, revoluție științifică, izvoare**Ключевые слова:** археологическая теория, естественнонаучные методы, гуманитарное знание, научная революция, источники

L. S. Klejn

Yamnaya Migration and Theoretical Search

Debates generated by archaeological practice (particularly, around the Yamnaya westward migrations) led to attempts to find theoretical proves for various arguments advanced during the debates. Developing Ch.P. Snow's idea on a divide of the modern educated society into two cultures (scientific and humanistic), C. Kristiansen proclaimed the Third Scientific Revolution in archaeology, i.e. a new attempt to implement scientific methods in this field of knowledge. In his opinion, they were able to bring a radical change to archaeology and its humanistic foundations. His position was debated by T.F. Sørensen, who believes that archaeology can lose its inherent essence without this humanistic foundation. Both views are groundless, as the author of this article maintains. He sceptically questions the dichotomy itself in the classification of sciences, he denies the humanistic essence of archaeology and rejects supremacy of either humanistic or scientific methods in it. For it is all situation-based.

L. S. Klejn

Migrația culturei lamnaia și căutările teoretice

Discuțiile născute de practica arheologiei (în cazul de față despre migrația lamnaia spre vest) au condus la încercarea de a fundamenta teoretic, într-un sens sau altul, soluționarea disputei. Dezvoltând ideea lui Ch.P. Snow despre sciziunea societății contemporane în două culturi — de științe ale naturii și umanistică, C. Kristiansen a proclamat cea de a Treia Revoluție a Științelor naturii în arheologie — introducerea curentă în acest domeniu a metodelor științelor naturii, care, conform opiniei lui, schimbă toată arheologia și bazele ei umanistice. În replica pe care i-a dat-o T.F. Sørensen, se consideră, că fără bază umanistică, arheologia își pierde specificul său. În opinia autorului studiului de față, ambele puncte de vedere sunt lipsite de temeinicie. El are o atitudine sceptică față de însăși ideea dihotomiei în clasificarea științelor, neconsiderând arheologia drept o disciplină umanistică și respingând supremația metodelor umanistice sau a științelor naturii în ea. Totul depinde de situația concretă.

Л. С. Клейн

Ямная миграция и теоретические искания

Рожденные практикой археологии споры (в частности, о ямной миграции на запад) привели к попыткам теоретически обосновать то или иное решение спора. Развивая идею Ч.П. Сноу о расколе современного образованного общества на две культуры — естественнонаучную и гуманитарную, К. Кристиансен провозгласил Третью Естественнонаучную Революцию в археологии — очередное внедрение в эту область знаний естественнонаучных методов, которые, по его мнению, меняют всю археологию и ее гуманитарные основы. Ему возразил Т.Ф. Сёренсен, который считает, что без гуманитарной основы археология теряет свою специфику. Ни та, ни другая точки зрения несостоятельны, по мнению автора данной работы. Он относится скептически к самой идее дихотомии в классификации наук, не считает археологию гуманитарной дисциплиной и отвергает превосходство гуманитарных или естественнонаучных методов в ней. Всё зависит от конкретной ситуации.

От практики к теории

В контрасте с очевидным упадком теоретических исследований по археологии в нашей стране приходится отметить, что на Западе такого упадка не наблюдается.

В Скандинавии (в основном в журнале NAR — «Norwegian Archaeological Review») разгорелась теоретическая дискуссия, вы-

званная сугубо «практическими» разногласиями в трактовке фактов археологии. Речь идет о происхождении европейских культур раннего бронзового века — шнуровой керамики и колоколовидных кубков — появились ли они в результате массовой миграции ямной культуры или нет. Версия о происхождении их из ямной культуры, степная, обрела чрезвычайный вес и стала вытеснять другие гипотезы.

тезы (анатолийскую, центральноевропейскую и прочие) после того, как генетики опубликовали две сенсационные статьи об анализах ДНК (Haak et al. 2015; Allentoft et al. 2015), которые показали сильную близость геномов всех означенных культур и чуждость им предшествующего генофонда Европы. Генетики истолковали это как однозначное свидетельство миграции ямной культуры на запад, практически на всю Европу.

Некоторые археологи (это те, кто и раньше придерживался степной гипотезы) признали правоту генетиков, а другие наотрез отказались ее признавать, заявляя, что факты археологии, да и самой генетики, этому противоречат (Ivanova 2013; Клейн 2015; 2016; 2017; Klejn 2017a; 2017b; Klejn et al. 2017; Kaiser 2016; Иванова и др. 2017). Против концепции, проводимой в указанных статьях генетиков (и примкнувших к ним археологов), эти археологи выдвинули в основном факты и некоторые методологические принципы (на которых строится их картина этногенеза).

Поскольку с обеих сторон были выдвинуты серьезные факты и не оказалось решающих аргументов, некоторые спорящие обратились к теоретическим основаниям.

Провозглашение Третьей Революции

Теоретически мыслящих археологов традиционного толка раззадорила большая статья известного датского археолога, давно работающего в Швеции (Гётеборгский университет), Кристиана Кристиансена в шведском журнале «Current Swedish Archaeology», озаглавленная «К новой парадигме? Третья Естественная Революция и ее возможные последствия в археологии» (Kristiansen 2013).

В этой статье К. Кристиансен, исходя из предложенного в 1959 году Ч.П. Сноу резкого деления всей современной культуры образованного общества на две культуры — естественнонаучную и гуманитарную, нашел их столкновение в археологии и не только в ней. Он рассмотрел историю археологии в этом ключе и увидел, что само ее формирование проходило под воздействием двух естественных наук — биологии и геологии, около десятилетия (1850—1860 гг.), что он называет Первой естественнонаучной революцией в археологии. Затем около 1900 года воздействие геологии и биологии сменилось критическим отношением к естественнонаучному подходу (к мыслям об эволюции) и возобладал культурно-исторический подход, с опорой на чисто гуманитарные аспекты археологии. В середине XX века изобретение ра-

диохимиками радиоуглеродного датирования повернуло археологов вновь к естественнонаучным опорам, что внесло существенные коррективы в хронологию неолита и бронзового века (К. Кристиансен называет это Второй естественнонаучной революцией в археологии) и вызвало к жизни в 1960-е годы Новую (процессуальную) Археологию. Господство ее продолжалось недолго. В 1980-е годы увлечение ею сменилось пост-процессуальной археологией, повернувшей от увлечения естественными науками и принятой в них методологией с количественными методами и т.п., к историческому подходу и гуманитарной методологии.

Кристиансен считает, что современная ситуация XXI века сравнима с предыдущими, а расшифровка геномов и прочтение ДНК сравнимо с открытием возможностей радиоуглерода. Связанные с этим нынешние исследования преемственности людей (также и животных) производят такие радикальные изменения традиционных представлений в археологии (о миграциях, о человеческой мобильности), которые можно назвать Третьей Естественной Революцией в археологии. В ней формируется новая парадигма, в которой преобладает естественнонаучный подход, с упором на работу лабораторий и прецизионный инструментарий, на большие массивы данных (Big Data), а традиционные выводы и теории пересматриваются.

В защиту гуманитарности археологии

Разумеется, нашелся гласный защитник традиционной точки зрения на соотношение наук — датский профессор Института Саксона в Копенгагенском университете Тим Флор Сёренсен, известный своими исследованиями на стыке археологии и архитектуры. Он тоже вспомнил идею Сноу о двух культурах — научно-технической и гуманитарной, — о делении, расколовшем современную культуру. Сёренсен также применил эти ярлычки к спорящим сторонам — генетике и археологии. Подтверждая столкновение двух культур, к спору практиков о ямной миграции он присовокупил разногласия между генетиками и традиционными археологами в трактовке происхождения бронз Скандинавии — местные или привозные.

В своей статье, помещенной в NAR и озаглавленной «Две культуры и мир в стороне: археология и точная наука на новом перекрестке» (Sørensen 2017a), он не отвергает коренные различия между науками: с одной стороны, точные или естественные, как физика, социо-

логия, генетика, с другой — гуманитарные, как история, филология и искусствоведение, которые в Англии и США и науками-то (science) не зовут. К последним он отнес и археологию. Но их взаимодействие он рассматривает не столь радужно, как Кристиансен, поскольку не восхищается увлечением естественнонаучными методами и принципами.

По Сёренсену, у *science* и *humanities* диаметрально противоположная методология; теория и интерпретация у них имеют разную структуру; ‘вопрос’, ‘наблюдение’, ‘объект’ и ‘факт’ в обеих имеются, но это не парные синонимы. Именно поэтому мы применяем в этих занятиях не одни и те же методы и теории. Археология может пользоваться результатами естественных наук, но в ней много материалов, не объяснимых теми методами — для их познания необходимы совсем другие, гуманитарные методы и теории, коренящиеся в гуманитарном знании.

Он не разделяет ликования Кристиансена: «Этот научный оптимизм вызывает неверие в методы и интерпретации, основанные на гуманитарном знании. Так что археологическое «знание» все более воспринимается как зависящее от наблюдений, переведенных в количественные или «доказанные» естественнонаучными методами, тогда как не-тестируемые так интерпретации и выводы окутаны подозрением или рассматриваются как гипотетические» (Sørensen 2017a: 1).

На деле же понимание материала в гуманитарных дисциплинах зависит, как пишет Сёренсен, от субъективности и эмпатии (он просит отличать ее от симпатии), а не просто от фактов. Они в этих дисциплинах погружены в системы верований, мировоззрение, социальные отношения, а их понимание всегда субъективно. «Если целью археологии является достичь некой формы понимания народа и общества в прошлом и современности, то я нахожу трудным вообразить, как это возможно без какой-то степени эмпатии и субъективности» (Sørensen 2017a: 8).

Он заканчивает свое изложение цитатой из записных книжек философа Кьеркегора: «Абсолютно нет добра от вхождения в естественные науки. Здесь мы беззащитны, не контролируя ничего. Исследователь начинает погружаться в детали: то как попасть в Австралию, то на луну, то в подземную пещеру, то по самое не балуйся сатанински всмотреться в глиста, то использовать телескоп, то микроскоп, — кто же, чёрт побери, может это вытерпеть?» (Kjerkegaard 2011 {1846}: 72—73).

В Интернете опубликовано и одновременное выступление Сёренсена на сентябрьском

семинаре 2017 года в Копенгагенском университете, озаглавленное «Кто же, чёрт побери, может это вытерпеть? Археология, точная наука и фетиш факта» (Sørensen 2017b). Он признает, что *science* давно применяется в археологии — как химические, геологические, минералогические, остеопалеонтологические и споропыльцевые анализы, как отдельные методы на службе археологии, может быть, и как часть дисциплины, но часть подчиненная, не определяющая ее суть. А суть состоит в познании человека, его социокультурной и духовной жизни, истории общества. Когда часть современных археологов принимает первенство методов *science* в археологии, это ведет к фетишизму ‘данных’ и ‘фактов’, к засилью количественных методов и забвению плюрализма и гетерогенности дисциплины, утрате ее своеобразия и природы.

Коренным понятием археологии Сёренсен считает ‘следы’. А у нынешних археологов-сайентификаторов, сетует он, ‘следы’ стали синонимом понятий ‘свидетельство’ и ‘ключ’, и во вторую половину XX века понятие потеряло свою силу как двигатель теоретизации археологии. Это уже близко к тому, как следы толкуются в семиотике, в юридической науке, у Фрейда и в психоанализе, а также в детективах. «Я утверждаю, — говорит Сёренсен, — что этот способ понимания следов как представляющих нечто иное, чем сам след, — как знак событий прошлого или символ в каком-то смысле, — ведет к восприятию следов как значения, скрывающегося за следом. Короче, археология в ходе процессуального позитивизма как и пост-процессуальной герменевтики утратила свой интерес и, что более важно, веру в сами следы» (Sørensen 2017b: 2).

Для Сёренсена есть альтернатива неверию в следы и авторитету свидетельств, фактов в археологии. Для этого мы должны решить, что мы считаем знанием и чего мы ждем от следов. Они могут дать нам нечто иное, чем собрать фактуальную информацию о том, что случилось в прошлом, «если охватить “темную материю”, гнездящуюся в следах, принимая непознаваемое как непознаваемое и сохраняя тайну и странность следов» (Sørensen 2017b: 2).

Реакция на реакцию

На эти выступления Сёренсена немедленно откликнулись в NAR четыре исследователя — Марк Вандер Линден, археолог из Кембриджского университета («Реакция на реакционный текст»), философ из Бергена (Норвегия)

Холлард Фоссхейм («Наука, сайентизм и этика археологии»), исследовательница-археолог из Стокгольмского университета Керстин Лиден («Общий язык — база для здорового сотрудничества») и, конечно, датский археолог из Гётеборга (Швеция) Кристиан Кристиансен («Природа археологического знания и онтологические перевороты») (Vander Linden 2017; Fossheim 2017; Lidén 2017; Kristiansen 2017).

Марк Вандер Линден, как и видно из его заглавия, ответил наиболее резко, признав Сёренсена реакционером. Он вообще считал вопрос о принадлежности археологии к гуманитарному знанию или *science* не заслуживающим интереса. Нужно, применяя научные критерии, собирать факты и объективно исследовать их надежными методами. С точки зрения философа Фоссхейма, вредна для археологии не *science*, а вреден сайентизм — забвение, что во всяком гуманитарном знании есть и свои особенности и требования. По мнению Керстин Лиден, тоже неважно, относить ли археологию к *science* или к гуманитарному знанию. Важно развивать взаимоуважение, взаимопонимание и общий язык. О возражениях Кристиансена скажу дальше.

Сёренсен ответил своим критикам в том же журнале, озаглавив свой ответ «Археологические парадигмы: маятник или груша для сноса руин?» (Sørensen 2017c). Он подчеркнул, что стоит за другое сотрудничество генетики и археологии — в котором проявится не возрастающее господство *science*, а плюрализм, не разрушительная сила груши для сноса зданий, а размеренное качание маятника. С временными преобладаниями тех или иных методов и наук. Всему свои предпочтения, обусловленные разной природой наук.

Обоснование естественнонаучного лидерства

Из всех его названных критиков меня больше всего заинтересовали возражения К. Кристиансена, во-первых, потому, что Кристиансен был одним из тех, чьи публикации побуждали Сёренсена к выступлению; во-вторых, Кристиансен наиболее полно выстроил систему аргументов, а в-третьих, он известный теоретик археологии, с которым у меня старая дружба и старые споры. Кристиансен входит в датскую команду генетиков и археологов, выступающую с пересмотром старых позиций археологии на основе современных выводов генетики, и занимает в этой команде лидирующие позиции. Естественно, что он один из основных противников Сёренсена.

Само разделение нашего знания на естественнонаучное и гуманитарное он принимает, как и отнесение традиционной археологии к *humanities*, но иначе оценивает их динамику. «Баланс между *science* и археологией изменился, и прежние интерпретации и теории устарели» (Kristiansen 2017: 1).

Он напоминает, что когда археология строила хронологические схемы своими собственными методами, неолит и энеолит датировались на тысячелетия позже их современной датировки. «Радиоуглеродную революцию» (термин Колина Ренфру) он рассматривает как «онтологический переворот» в археологии, связанный с введением в середине XX века естественнонаучных методов. Это была дегуманизация археологии. Тогда тоже многие археологи не признавали этого — сейчас от них остались жалкие единицы, общепризнанные фрики.

Теперь, по Кристиансену, — новый «онтологический переворот», начавшийся с начала XXI века и состоящий в появлении данных стронциевого изотопного анализа и прочтения ДНК с расшифровкой геномов. То и другое резко усилило наше знание биологического происхождения отдельных людей и популяций, а следовательно, реконструкцию биологической преемственности и миграций. Неожиданно это тоже привело к пересмотру традиционных археологических интерпретаций. Среди них и соотношение степных и центральноевропейских культур раннего бронзового века. Большинство археологов отвергало идеи Марии Гимбутас о миграции ее курганной культуры из степей на запад, в Подунавье, а генетики в 2015 году реконструировали нечто подобное — миграцию ямной культуры в Центральную, Северную и Западную Европу.

Большие научные прорывы перенаправляют исследования, говорит Кристиансен. Важно признать достижения науки в истории археологии и признать интерпретационные импликации, из этого вытекающие. Старые датировки были чисто релятивными и строились на стилистических и типологических характеристиках, а они во многом приблизительны и шатки. Естественнонаучные методы внесли абсолютную датировку. До введения радиоуглеродного метода не было доступа к абсолютной датировке в преистории до раннебронзового века. Мы лишь догадывались о продолжительности предшествующих периодов. Когда C_{14} был введен, оказалось, что эти догадки были ошибочны (калибровка усилила эти исправления). Этот прыжок изменил наши теории и методы.

В каком-то смысле следующий онтологический переворот, в котором мы живем, по Кристиансену, тоже можно свести к конфликту относительного и абсолютного знания. Относительным знанием здесь будут наши прежние догадки о преемственности и миграциях, построенные на тех же типологических и стилистических сопоставлениях, а абсолютным знанием — полученные от генетики сравнения ДНК популяций и анализ изотопов стронция, выраженные в точных цифрах.

Археология и вообще гуманитарное знание дают исторически информированное теоретическое поле для перевода новых фактов (основанных на естественнонаучных данных) в исторические интерпретации, которыми *scientists* не владеют, как археологи не владеют прямо естественнонаучными данными.

Целый раздел статьи называется у Кристиансена «Быть или не быть междисциплинарности: относительная автономия science и humanities». «Делает ли современный онтологический переворот археологическую интерпретацию подчиненной, второстепенной?» — спрашивает он (Kristiansen 2017: 3). И отвечает: Ну, ряд выводов оказываются ошибочными. Не только неолитическая хронология, но и происхождение центральноевропейских культур — шнуровой керамики, колоколовидных кубков. Как столь много археологов ошибалось столь долго? Нужно развить лучшее теоретическое понимание человеческой мобильности и зависимости между изменениями. Мы работаем вместе с генетиками, и это очень далеко от представлений Тима Сёрнсена, его картина — скорее карикатура. В междисциплинарном сотрудничестве мы соблюдаем относительную автономию.

Ну, это утверждение остается у Кристиансена как-то не реализованным, не согласуемым с его трактовками соотношений научного и гуманитарного в археологии.

Это не значит, что я соглашаюсь с позицией Сёрнсена. У меня обе трактовки вызывают ряд недоумений.

1. О дихотомии скептически

Прежде всего, я не согласен с принятым обоими исследователями (и, кажется, всеми участниками спора) коренным делением совокупности дисциплин на гуманитарные и естественно- и точнаучные. Я вообще не склонен повторять традиционные деления нашего знания на две группы наук. На мой взгляд, дисциплины группируются более многообразно и каждая группировка охватывает по несколь-

ко дисциплин полностью и еще частью затрагивает другие.

Так, история с географией занимают, прежде всего, нашей ориентацией в конкретном мире, который мы населяем, — одна во времени, другая в пространстве. Это науки *идиографические* по Риккерт, отделяемые им от *номотетических*, которые заняты выявлением общих законов (физика, химия, биология, социология). Но, в отличие от Риккерта, я не отождествляю идиографические с гуманитарными — связанными с духовными интересами людей: тут же присутствует география, а некоторыми частями эта группировка затрагивает и геологию, биологию и др. Я считаю, что идиографические науки отличаются от прочих тем, что они нацелены на познание самих фактов, а не выводимых из них законов, а законы рассматриваются как воздействующие на тот или иной факт. Поэтому в номотетических науках схожие факты и объекты взаимозаменяемы и после выведения законов более не нужны, а в гуманитарных науках каждый факт и каждый объект имеет собственную ценность.

Есть науки, нацеленные на изучение нашего мышления — математика, логика (их тоже причисляют к science).

Все эти науки — идиографические, номотетические, когнитивные — рассматриваются как *фундаментальные*, изучающие основы мира. А есть *прикладные* — обслуживающие другие сферы знания. Есть дисциплины, коих причисление к наукам под вопросом, поскольку они не включают в себя принцип доказательности, например, философия, или принцип реальности, например, теология.

Гуманитарными же принято называть особую группу дисциплин о человеке и его сознании, об обществе (история, искусствоведение и др.), в которой не действуют некоторые принципы естественных и точных наук (поэтому англичане и американцы не называют их науками), но какие именно это принципы — вопрос спорный. Некоторые мыслители, начиная с Дильтея, считают, что это принципы точности или объективности (понимание зависит от психики, а она индивидуальна; субъект частично совпадает с объектом, отсюда определяющее значение ценностных определений). Поэтому такие мыслители полагают, что теории и методы в гуманитарных дисциплинах, таких как археология, более расплывчатые и приблизительные, чем в естественных и точных науках, что они оставляют место для субъективности. Что это нужно признать и, соответственно, безоговорочно принять верховенство естественных и точных наук над

гуманитарными. В частности радиохимии и генетики над археологией. Ну, или примириться с гуманитарными слабостями археологии и сохранить ее в традиционном виде ради ее преимуществ в познании природы человека и общества. Оба эти подхода представлены в данном споре.

После критической работы, проведенной школами функционализма, марксизма и позитивизма со всеми его разновидностями, стало ясно, что психика сама основана на материальных явлениях, что есть ряд методических средств погасить субъективность исследователей, а с другой стороны, есть ограниченное место для интуиции во всех науках, в том числе в физике и астрономии.

Это означает, что остальные принципы, характерные для многих наук, присутствуют в гуманитарных науках, что теории, методы, интерпретации и понятия в гуманитарных науках те же в основном, что и в других науках. Что действительно существует «общий язык» не только для археологии и генетики, но и для всех наук.

Археологию же я вообще не отношу к гуманитарной группе наук, хотя в ней и играют роль некоторые материалы, имеющие гуманитарный характер, поскольку в ее отдаленных целях есть исторические интерпретации. По методологической же природе своей археология является прикладной наукой, как криминалистика (forensic science). Археолог — это следователь (детектив), опоздавший на тысячи лет к месту событий.

Я не развиваю здесь подробно эти соображения, поскольку они развернуто изложены в моих работах (Klejn 2001: 11—100; Клейн 2001: 11—18; 2004: 44—199, 226—289; 2009).

2. Кто должен уступать?

Теперь о взаимодействии сугубо археологических и естественнонаучных методов в археологии.

Историческая схема «онтологических переворотов», изложенная Кристиансеном, очень уж фрагментарна и неполна. Археология сформировалась не в середине XIX века, а раньше — отечественная для северных европейцев к 1830-м годам (Томсен с его периодизацией), а классическая археология — еще раньше, у выучеников Винкельмана (Клейн 2011, I: 181—284). Естественнонаучные методы применялись в археологии не только задолго до радиоуглерода. Существенно, что некоторые из них входили в ее ядро как органические части, например, стратиграфический метод, заимствованный из геологии, класси-

фикация и типология, принципы которых заимствованы из биологии (через нумизматику). С ними затем входили количественные (статистические и комбинаторные) операции (Клейн 2012: 366—391). Это было формирование и преобразование самой археологии. Другие оставались внешними факторами, хотя и очень важными и постоянными — как палеонтологический, споро-пыльцевой, радиоуглеродный и другие естественнонаучные методы: их суть и обоснование остаются вне археологии, для владения ими требуется другое образование (Клейн 2014: 181—312). Как для антропологических определений. Точно так обстоит дело с генетикой. Она остается другой наукой, помогая археологии в тех же проблемах, что и антропология.

В археологии традиционные решения — не беспочвенные догадки, а гипотезы, подержанные целым рядом аргументов, с развернутой методикой. Да, коль скоро это гипотезы, они могут войти в противоречие с новыми данными. Да, получены новые сведения. Они могут не совпадать с прежними решениями, добытыми самой археологией (для такой проверки ведь и нужны новые данные). В археологии возможны сбои, вытекающие из приблизительности ряда методов (в частности, методов синхронизации, сериации, типологических рядов), из гипотетичности многих выводов. Но проверке должны подвергаться как археологические решения, так и новые данные, добытые генетикой — для нее они тоже новые, полученные современными достижениями генетики, где ошибки также возможны. Где противоречия также имеются. Готовность к поправкам должна быть с обеих сторон. Это и есть равноправное междисциплинарное сотрудничество, плюрализм при автономии наук.

Как старый приверженец степной концепции происхождения культур шнуровой керамики Кристиансен подразумевает готовность принимать поправки только со стороны археологии. Надеюсь, генетики окажутся более объективными.

3. Следы, источники и знаки прошлого

Что касается центральности для археологии понятия ‘следы’. В русской археологии (да, кажется, и в английской) понятие ‘след’ ограничено неполными археологическими остатками (Клейн 1978: 93—94; 1995: 203—204). Мы различаем по степени сохранности три вида остатков: ‘целые предметы’, ‘фрагменты’ и ‘следы’. Следы — это такие остатки, та-

кие свидетельства существования древнего предмета, что в них даже детали, части этого предмета не присутствуют в своем непосредственном виде, а сохранены либо в преобразованном виде, либо как результаты воздействия на другие предметы. Сюда входят 'деформированные остатки', 'отпечатки' (англ. *imprints*) и 'отметины' (англ. *marks*).

Совершенно очевидно, что Сёренсен придает следам более общее значение, покрываемое в археологии термином «археологический источник». Это одно из фундаментальных понятий археологии. Им выделяется главное средство обеспечения археологических исследований базой фактов. Есть науки, где такой базой является 'наблюдение', есть другие, где такой базой является 'эксперимент', а есть третьи, где такой базой является 'источник'. К ним принадлежат история и археология. *Источник информации о прошлом* в них — это такой объект, который дает нам информацию о других объектах, которые исчезли или утратили интересующие нас свойства, но эти свойства «удержаны» источником. Для истории это, прежде всего, письменный объект, для археологии — вещественный.

Конечно, информация о прошлом образуется не только из получаемых сведений, но и от того, как исследователь способен их воспринять, на какую подложку в его сознании они ложатся, насколько он подготовлен.

Но это относится ко всем наукам и ко всем способам информации.

А источник в его реализации? Ну, конечно, это некий «знак о прошлом», что другое он может представлять для археолога? Ценность как странный объект, редкость, предмет почитания? Но он почитается именно как антиквитет, как древность, как нечто, что может рассказать о прошлом. Как предмет непознаваемый? Но познаваемость его — именно цель исследований. Взгляд Сёренсена — это не взгляд археолога, а скорее, взгляд философа, причем приверженца определенной очень узкой философии — герменевтики.

Я призываю строго отделять теорию археологии от философии вообще и герменевтики в частности. Теория во всякой науке — это программа переработки информации, основанная на конкретной объяснительной идее и временной замене реальных объектов идеальными. Она способна оборачиваться методом. Всё, что сказано у Сёренсена о теории «следов» — это не теория, а эlegantное (эпитет Кристиансена) философствование.

Таким образом, мне представляется ошибкой следовать как трактовке, принятой обоими авторами, так и выдвинутому по отдельности аргументам того и другого. Возможно, если учесть мои соображения, то не пришлось бы спрашивать, «кто же, чёрт побери, может это вытерпеть?».

Литература

- Иванова и др. 2017: Иванова С.В., Киосак Д.В., Никитин А.Г. 2017. Степное население в Центральной Европе эпохи ранней бронзы, или Путешествия туда и обратно. Ч. I—III. *Генофонд.рф*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=27671; http://генофонд.рф/?page_id=27749; http://генофонд.рф/?page_id=27864.
- Клейн Л.С. 1978. *Археологические источники*. Ленинград: ЛГУ.
- Клейн Л.С. 1995. *Археологические источники*. 2-е, дополненное изд. Серия «Классика археологии». Санкт-Петербург: Фарн.
- Клейн Л.С. 2001. *Принципы археологии*. Санкт-Петербург: Бельведер.
- Клейн Л.С. 2004. *Введение в теоретическую археологию*. Кн. I. *Метаархеология*. Санкт-Петербург: Бельведер.
- Клейн Л.С. 2009. В чем научность науки? Гуманитарий — это ученый? *Троицкий вариант* 25 (6), 31 марта 2009, 14.
- Клейн Л.С. 2011. *История археологической мысли*. Т. I, II. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Клейн Л.С. 2012. *Археологическое исследование*. Кн. 1. Донецк: Донецкий национальный университет.
- Клейн Л.С. 2014. *Время в археологии*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л.С. 2015. Из степи ли предки индоевропейцев? *Генофонд.рф*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=1044.
- Клейн Л.С. 2016. Ямная, буджакская и ДНК. В: Алексин В.А. (отв. ред.). *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н.э.)*. Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. Материалы. Санкт-Петербург, 6—13.
- Клейн Л.С. 2017. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья). *Stratum plus* (2), 361—376.
- Allentoft et al. 2015: Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Křiška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 552,

- 167—172.
- Fossheim H.J. 2017. Science, Scientism and the Ethics of Archaeology. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 116—119.
- Haak et al. 2015: Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 552, 207—211.
- Ivanova S.V. 2013. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture. *Baltic-Pontic Studies* 18, 86—120.
- Kaiser E. 2016. Migrationen von Ost nach West: Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Archäologie, Ethnologie und Urgeschichte* 37, 31—44.
- Kjerkegaard S. 2011 {1846}. *Kierkegaard's journals and notebooks*. Ed. by Niels Jørgen Cappelørn et al. Published in cooperation with the Søren Kierkegaard Research Centre Copenhagen. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press.
- Klejn L.S. 2001. *Metaarchaeology*. Acta Archaeologica 72 (1), supplementa III. København: Blackwell-Munksgaard.
- Klejn L.S. 2017a. Indo-European origins and archaeology. In: Manolakakis L., Schlander N., Coudart A. (eds.). *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Paris: Sidestone Press, 439—458.
- Klejn L.S. 2017b (in print). Steppe original home is a hypothesis. *Acta Archaeologica Copenhagen*. In *Memoriam Klavs Randsborg*.
- Klejn et al. 2017: Klejn L., Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Reich D., Kristiansen K., Sjögren K.-G., Allentoft M., Sikora M., Willerslev E. 2017. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3—17. doi:10.1017/eea.2017.35.
- Kristiansen K. 2014. Towards a new paradigm? The Third Scientific Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11—34.
- Kristiansen K. 2017. The Nature of Archaeological Knowledge and Its Ontological Turns. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 120—123.
- Lidén K. 2017. A Common Language is the Basis for Sound Collaboration. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 124—126.
- Sørensen T.F. 2017a. The Two Cultures and a World Apart: Archaeology and Science at a New Crossroads. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 101—115.
- Sørensen T.F. 2017b. Archaeological paradigms: pendulum or wrecking ball? *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 130—134.
- Sørensen T.F. 2017c. *Who the Devil Can Endure It? Archaeology, Science and the Fact Fetish*. Institutionen för arkeologi och antikens kultur, Stockholm universitet. Forskarsemibarium 2017-10-04. https://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.349078.1506500502!/menu/standard/file/PM%20forskarsem%204%20okt.pdf.
- Vander Linden M. 2017. Reaction to a Reactionary Text. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 127—129.

References

- Ivanova, S.V., Kiosak, D.V., Nikitin, A.G. 2017. In *Genofond.rf*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=27671; http://генофонд.рф/?page_id=27749; http://генофонд.рф/?page_id=27864 (in Russian).
- Klejn, L.S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Klejn, L.S. 1995. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. 2nd ed. Series: Klassika arkheologii (Classic of Archaeology). Saint Petersburg: "Fam" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2001. *Printsipy arkheologii (Principles of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2004. *Vvedenie v teoreticheskuiu arkheologiyu (Introduction to the Theoretical Archaeology)* I. *Metaarkheologiya (Metaarchaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2009. In *Troitskii variant (Troitsk Version)* 25 (6), 31 March 2009, 14 (in Russian).
- Klejn, L.S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought)* I, II. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Klejn, L.S. 2012. *Arkheologicheskoe issledovanie (Archaeological Research)* 1. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).
- Klejn, L.S. 2014. *Vremia v arkheologii (Time in Archaeology)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2015. In *Genofond.rf*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=1044 (in Russian).
- Klejn, L.S. 2016. In Alekshin, V.A. (ed.). *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n.e.) (External and Internal Relations of Steppe (Cattle-Breeding) Cultures of Eastern Europe in Chalcolithic and the Bronze Age (V—II Millennia BC))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 6—13 (in Russian).
- Klejn, L.S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 361—376 (in Russian).
- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjögren, K.-G., Rasmussen, S., Rasmussen, M., Stenderup, J., Damgaard, P.B., Schroeder, H., Ahlström, T., Vinner, L., Malaspinas, A.S., Margaryan, A., Higham, T., Chivall, D., Lynnerup, N., Harvig, L., Baron, J., Della Casa, P., Dąbrowski, P., Duffy, P.R., Ebel, A.V., Epimakhov, A., Frei, K., Furmanek, M., Gralak, T., Gromov, A., Gronkiewicz, S., Grupe, G., Hajdu, T., Jarysz, R., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kiss, V., Kolář, J., Kriiska, A., Lasak, I., Longhi, C., McGlynn, G., Merkevicius, A., Merkyte, I., Metspalu, M., Mkrtychyan, R., Moiseyev, V., Paja, L., Pálfi, G., Pokutta, D., Pospieszny, L., Price, T.D., Saag, L., Sablin, M., Shishlina, N., Smrčka, V., Soenov, V.I., Szeverényi, V., Tóth, G., Trifanova, S.V., Varul, L., Vicze, M., Yepiskoposyan, L., Zhitenov, V., Orlando, L., Sichert-Pontén, T., Brunak, S., Nielsen, R., Kristiansen, K., Willerslev, E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 552, 167—172.
- Fossheim, H.J. 2017. Science, Scientism and the Ethics of Archaeology. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 116—119.
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N., Mallick, S., Llamas, B., Brandt, G., Nordenfelt, S., Harney, E., Stewardson, K., Fu, Q., Mittnik, A., Bánffy, E., Economou, C., Francken, M., Friederich, S., Pena, R.G., Hallgren, F., Khartanovich,

№2. 2018

- V., Khokhlov, A., Kunst, M., Kuznetsov, P., Meller, H., Mochalov, O., Moiseyev, V., Nicklisch, N., Pichler, S.L., Risch, R., Rojo Guerra, M.A., Roth, C., Szécsényi-Nagy, A., Wahl, J., Meyer, M., Krause, J., Brown, D., Anthony, D., Cooper, A., Alt, K.W., Reich, D. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 552, 207—211.
- Ivanova, S.V. 2013. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Culture. *Baltic-Pontic Studies* 18, 86—120.
- Kaiser, E. 2016. Migrationen von Ost nach West: Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Archäologie, Ethnologie und Urgeschichte* 37, 31—44.
- Kjerkegaard, S. 2011 {1846}. *Kierkegaard's journals and notebooks*. Ed. by Niels Jørgen Cappelørn et al. Published in cooperation with the Søren Kierkegaard Research Centre Copenhagen. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press.
- Klejn, L.S. 2001. *Metaarchaeology*. *Acta Archaeologica* 72 (1), supplementa III. København: Blackwell-Munksgaard.
- Klejn, L.S. 2017. Indo-European origins and archaeology. In: Manolakkakis, L., Schlangier, N., Coudart, A. (eds.). *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Paris: Sidestone Press, 439—458.
- Klejn, L.S. 2017 (in print). Steppe original home is a hypothesis. *Acta Archaeologica Copenhagen*. In *Memoriam Klavs Randsborg*.
- Klejn, L., Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Reich, D., Kristiansen, K., Sjögren, K.-G., Allentoft, M., Sikora, M., Willerslev, E. 2017. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3—17. doi:10.1017/eea.2017.35.
- Kristiansen, K. 2014. Towards a new paradigm? The Third Scientific Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11—34.
- Kristiansen, K. 2017. The Nature of Archaeological Knowledge and Its Ontological Turns. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 120—123.
- Lidén, K. 2017. A Common Language is the Basis for Sound Collaboration. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 124—126.
- Sørensen, T.F. 2017. The Two Cultures and a World Apart: Archaeology and Science at a New Crossroads. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 101—115.
- Sørensen, T.F. 2017. Archaeological paradigms: pendulum or wrecking ball? *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 130—134.
- Sørensen, T.F. 2017. *Who the Devil Can Endure It? Archaeology, Science and the Fact Fetish*. Institutionen för arkeologi och antikens kultur, Stockholm universitet. Forskarseminarium 2017—10—04. https://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.349078.1506500502!/menu/standard/file/PM%20forskarsem%204%20okt.pdf.
- Vander Linden, M. 2017. Reaction to a Reactionary Text. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 127—129.

Статья поступила в номер 19 февраля 2018 г.

Leo Klejn (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences, Professor.

Leo Klejn (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice, profesor universitar.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук, профессор.

E-mail: lsklejn@gmail.com